

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.135.2.032-039

О. В. Брежнев*

Проблема «антиковидных» правоограничений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации¹

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы, касающиеся юридической природы, нормативного регулирования и порядка реализации в Российской Федерации правоограничений в условиях действия режима повышенной готовности, призванного воспрепятствовать распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-2019). Соответствующие правоограничения вводились весной 2020 г. нормативными правовыми актами субъектов РФ при отсутствии в тот период в федеральном законодательстве норм, которые детально регламентировали бы пределы соответствующих полномочий региональных органов власти. Показано содержание правовых позиций Конституционного Суда РФ, касающихся вопросов о компетенции органов государственной власти субъектов РФ по установлению подобных правоограничений, о конституционных критериях оценки их допустимости, соразмерности и пропорциональности. Особое внимание уделено анализу ограничений конституционной свободы передвижения, которые, как указал Конституционный Суд РФ, не тождественны ограничению личной свободы. Раскрыта цель вводимых временных правоограничений, которая состоит в обеспечении самоорганизации общества при возникновении общей угрозы.

Ключевые слова: конституционный контроль; орган; конституция; суд; регламентация; правосудие; права; ограничения; норма; правовой акт; пандемия.

Для цитирования: Брежнев О. В. Проблема «антиковидных» правоограничений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 2. — С. 32–39. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.135.2.032-039.

---

¹ Исследование подготовлено в рамках НИР «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

© Брежнев О. В., 2022

* Брежнев Олег Викторович, доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства Юго-Западного государственного университета (г. Курск)
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск, Россия, 305040
obrezhnev@yandex.ru

The Issue of «Anti-COVID» Legal Restrictions in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation²

Oleg V. Brezhnev, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Litigation, Southwestern State University
ul. 50 let Oktyabrya, d. 94, Kursk, Russia, 305040
obrezhnev@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the problems related to the legal nature, regulation and procedure for the implementation of legal restrictions in the Russian Federation under the conditions of the high alert regime aimed to prevent the spread of a new coronavirus infection (COVID-2019). The corresponding legal restrictions were introduced in spring 2020 by the regulatory legal acts of the constituent entities of the Russian Federation in the absence of rules in the federal legislation at that time regulating in detail the limits of the respective powers of regional authorities. The paper provides the content of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning the issues of competence of state authorities of the constituent entities of the Russian Federation to establish such legal restrictions, constitutional criteria for assessing their admissibility and proportionality. Particular attention is paid to the analysis of restrictions imposed on the constitutional freedom of movement, which, as the Constitutional Court of the Russian Federation pointed out, are not identical with the restriction of personal freedom. The author elucidates the purpose of the introduced temporary legal restrictions, which is to ensure self-organization of the society in the event of a common threat.

Keywords: constitutional review; body; constitution; court; regulation; justice; rights; restrictions; rule; legal act; pandemic.

Cite as: Brezhnev OV. Problema «antikovidnykh» pravoogranicheniy v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [The Issue of «Anti-COVID» Legal Restrictions in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(2):32-39. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.135.2.032-039. (In Rus., abstract in Eng.).

В 2020 г. Россия, как и другие государства, столкнулась с необходимостью поиска способов решения глобальной проблемы, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-2019), являющейся источником смертельно опасного заболевания, передаваемого воздушно-капельным путем. 30 января 2020 г. Всемирная организация здравоохранения присвоила эпидемиологической ситуации, связанной со вспышкой этой инфекции, статус чрезвычайной ситуации международного значения, а 11 марта того же года признала за ней характер пандемии — наиболее опасной формы эпидемии, распространяющейся в мировом масштабе в условиях отсутствия у подавляющего большинства людей иммунитета к этой инфекции.

В соответствии с Рекомендацией ВОЗ от 19.03.2020 по помещению людей в карантин в контексте сдерживания вспышки коронавирусной болезни (COVID-2019) основным средством противодействия распространению инфекции является ограничение контактов между людьми с целью снижения скорости передачи вируса от человека к человеку, для чего должны быть приняты меры по ограничению передвижения или отделению людей, которые могли быть подвержены воздействию инфекции, от остальной части населения.

Сложившаяся экстраординарная ситуация вынудила власти более 90 государств современного мира ввести на своей территории особые правоограничительные режимы, получившие название «lockdown». Данные режимы имели различные правовые основания; характер и

---

² The reported study was prepared within the framework of the research project «Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state (number 0851-20200033)

объем применяемых правоограничений были обусловлены остротой возникшей ситуации³.

Вопрос о необходимости установления системы правоограничений с целью недопущения распространения опасной инфекции со всей остротой встал и в России после появления первых случаев заболевания. Постановлением Правительства РФ от 31.01.2020 № 66⁴ коронавирусная инфекция была включена в Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих.

Следует отметить, что законодательство РФ на момент начала пандемии не предусматривало четкого алгоритма действий органов власти в подобной ситуации. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»⁵ (п. «б» ст. 3) допускает введение чрезвычайного положения на всей территории РФ или в отдельных ее местностях в связи с распространением эпидемии. Однако данный правовой режим, вводящийся исключительно по решению федеральных властей, не был достаточно гибким для преодоления сложившейся ситуации: необходимо было учитывать неравномерность распространения инфекции по территории России, что обуславливало потребность в разном уровне правоограничений для отдельных субъектов РФ, притом что объем этих мер должен был оперативно меняться со временем в зависимости от улучшения или ухудшения эпидемиологической ситуации.

В итоге практика пошла по пути введения региональными нормативными правовыми актами предусмотренного Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»⁶ (пп. «б» п. 6 ст. 4.1) режима повышенной готовности, несмо-

тря на то что к моменту начала пандемии этот Федеральный закон (ч. 1 ст. 1) прямо не связывал возникновение чрезвычайной ситуации с распространением заболеваний, представляющих опасность для окружающих⁷. Режим повышенной готовности вводился в субъектах РФ в различной правовой форме: в соответствии с указами (город Москва, Архангельская, Владимирская, Магаданская, Свердловская, Смоленская области и др.), постановлениями (Белгородская, Волгоградская, Курганская, Тверская области и др.) или распоряжениями (Республики Карелия, Татарстан, Амурская, Астраханская, Кемеровская, Костромская, Курская, Омская области и др.) высшего должностного лица субъекта РФ, постановлениями (город Санкт-Петербург, Ленинградская область, Республика Хакасия, Алтайский край и др.) или распоряжениями (Республики Алтай, Калмыкия, Тыва, Томская, Челябинская области и др.) высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ.

Данные акты содержали разный объем правоограничений, но, как правило, они предусматривали следующие меры:

- временное приостановление деятельности организаций, обеспечивающих одновременное предоставление услуг большому количеству людей (например, ночных клубов, развлекательных центров и др.);
- временный запрет или ограничение на предоставление определенных социальных услуг⁸ (например, общественного питания);
- обеспечение *режима самоизоляции* для всех или определенных категорий граждан, в том числе вернувшихся из зарубежных поездок, что предполагало запрет для них покидать место жительства или место пребывания, кроме случаев: обращения за экстренной (неотлож-

³ См.: Романовский Г. Б. 2019-nCoV как гибридная угроза системе прав человека // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 34–38.

⁴ СЗ РФ. 2020. № 6. Ст. 674.

⁵ СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

⁶ СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

⁷ См.: Калина Е. С. Административно-правовой режим чрезвычайной ситуации и категория безопасности в административном праве // Административное право и процесс. 2011. № 12. С. 31–34.

⁸ См.: Субанова Е. В., Шелковникова Е. Д. Разрешительная деятельность в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 56–62.

- ной) медицинской помощью и наличия иной прямой угрозы жизни и здоровью; следования к месту (от места) осуществления трудовой деятельности (работы), за исключением работников, переведенных на дистанционный режим работы, находящихся в отпуске или в отношении которых оформлен листок нетрудоспособности; следования к ближайшему месту приобретения товаров, работ, услуг; выгула домашних животных; выноса отходов до ближайшего места их накопления;
- соблюдение дистанции от других граждан (не менее 1,5 м), в том числе в общественных местах и общественном транспорте (*социальное дистанцирование*);
  - обязательное использование гражданами индивидуальных средств защиты, в том числе в общественных местах и общественном транспорте (маски, перчатки и др.);
  - специальный режим допуска и нахождения в зданиях, строениях, сооружениях (помещениях в них) на соответствующей территории;
  - особый режим работы транспортных средств, а также перемещений граждан в пределах населенных пунктов при наличии специальных разрешительных документов, в том числе цифровых пропусков;
  - перевод существенного количества работников на дистанционный режим работы;
  - дистанционный порядок предоставления образовательных услуг⁹ и др.

Набор применяемых мер изменялся в зависимости от санитарно-эпидемиологической ситуации в регионе.

Введение режима повышенной готовности в субъектах РФ повлекло за собой многочисленные обращения граждан в Конституционный Суд РФ и суды общей юрисдикции, в которых оспаривалась законность применения правоограничений в соответствии с нормативными правовыми актами субъектов РФ.

Например, гражданин Ш., будучи привлечен к административной ответственности за несо-

блюдение режима самоизоляции, обратился в КС РФ с жалобой на нарушение его конституционных прав распоряжением Губернатора Костромской области от 17.03.2020 № 128-р «О введении режима повышенной готовности с целью недопущения завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Костромской области». По мнению Ш., ограничение конституционной свободы передвижения по территории РФ не может устанавливаться нормативным актом субъекта РФ, поэтому неисполнение данного акта не должно влечь за собой административную ответственность в соответствии с федеральным законодательством. Определением КС РФ от 23.07.2020 № 1706-О в принятии обращения Ш. к рассмотрению отказано по причине несоблюдения процессуальных условий допустимости жалобы: Ш. не исчерпал всех внутригосударственных средств судебной защиты.

Однако позднее КС РФ всё же был вынужден обратиться к вопросу о конституционности «антиковидных» правоограничений. Развернутая система правовых позиций по данному вопросу изложена в постановлении КС РФ от 25.12.2020 № 49-П по делу о проверке конституционности пп. 3 п. 5 постановления Губернатора Московской области от 12.03.2020 № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области¹⁰.

КС РФ прежде всего указал на то, что в соответствии с Конституцией РФ (п. «з» ч. 1 ст. 72) осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий относится к совместному ведению РФ и субъектов РФ, что

⁹ См.: *Сергеев Ю. Д., Калецкий Е. Г., Павлова Ю. В.* Правовые основы реализации дистанционных образовательных технологий в условиях распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации // *Медицинское право.* 2020. № 4. С. 3–8.

¹⁰ СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. 2). Ст. 289.

предполагает возможность принятия в данной сфере, помимо федеральных, и нормативных правовых актов субъектов РФ (ч. 2 ст. 76), в том числе в порядке «опережающего» правового регулирования, т.е. при отсутствии соответствующих федеральных актов.

Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹¹ (пп. 5 п. 2 ст. 26.3) также относит к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ, осуществляемым ими самостоятельно за счет средств бюджета субъекта РФ, решение вопроса предупреждения чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера, стихийных бедствий, эпидемий и ликвидации их последствий, реализации мероприятий, направленных на спасение жизни и сохранение здоровья людей при чрезвычайных ситуациях.

Соответствующие полномочия органов государственной власти субъектов РФ детализированы в иных актах федерального законодательства.

Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»¹² (ст. 6) предусматривает полномочия органов государственной власти субъектов РФ не только принимать законы и иные нормативные правовые акты по вопросам обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, осуществлять контроль за их исполнением, но и вводить на территории субъекта РФ ограничительные мероприятия (карантин) на основании предложений, предписаний главных государственных санитарных врачей и их заместителей. Отметим, что сам этот Федеральный закон (ч. 3 ст. 31) не содержит даже примерного перечня подобных ограничительных мероприятий, отсылая к санитарным правилам и «иным нормативным правовым актам Российской Федерации».

Главные государственные санитарные врачи различного уровня и их заместители в соответствии со ст. 31, 50 и 51 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» вправе выносить постановления, в которых могут содержаться обязательные для исполнения предписания в адрес органов государственной власти, в том числе о введении ограничительных мероприятий (карантина)¹³. Отметим, что в течение 2020 г. подобные предписания неоднократно выносились в отношении высших должностных лиц субъектов РФ как Главным государственным санитарным врачом РФ, так и соответствующими должностными лицами в субъектах РФ, что обязывало руководителей регионов принимать ограничительные меры в целях недопущения распространения коронавирусной инфекции.

Системообразующая роль в законодательном регулировании применения правоограничительных мер, связанных с возникшей ситуацией, принадлежит Федеральному закону «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Уже в период пандемии в нормы данного Федерального закона (ч. 1 ст. 1) пришлось внести ряд изменений, с тем чтобы можно было квалифицировать в качестве чрезвычайной ситуации обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, что, в свою очередь, открывает возможность введения на территории субъекта РФ предусмотренных данным Федеральным законом (п. «б» и «в» ч. 6 ст. 4.1) режимов повышенной готовности и чрезвычайной ситуации, а также позволяет более четко сформулировать полномочия органов государственной власти субъектов РФ по установлению обязательных для исполнения гражданами правил поведения в условиях действия режимов повышенной готовности и чрезвычайной ситуации (Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ¹⁴).

¹¹ СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

¹² СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

¹³ См.: Винокуров В. А. Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и новая коронавирусная инфекция: проблемы правового регулирования // Медицинское право. 2020. № 4. С. 9–19.

¹⁴ СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2028.

Таким образом, системный анализ положений данного Федерального закона позволяет признать за органами государственной власти субъектов РФ следующие полномочия, охватывающие ситуации, связанные с предупреждением распространения коронавирусной инфекции:

- 1) по принятию законов и иных нормативных правовых актов в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера (пп. «а» ч. 1 ст. 11);
- 2) по введению правовых режимов повышенной готовности и чрезвычайной ситуации (пп. «м» ч. 1 ст. 11);
- 3) по установлению обязательных для исполнения гражданами и организациями правил поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (пп. «у» ч. 1 ст. 11);
- 4) с учетом особенностей чрезвычайной ситуации на территории субъекта РФ или угрозы ее возникновения по установлению дополнительных обязательных для исполнения гражданами и организациями правил поведения (в развитие норм, предусмотренных Правительством РФ) при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (пп. «ф» ч. 1 ст. 11).

Кроме того, в соответствии с ч. 10 ст. 4.1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» при введении режимов повышенной готовности и чрезвычайной ситуации, а также при установлении уровня реагирования для соответствующих органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций высшее должностное лицо субъекта РФ как несущее ответственность за выполнение работ по предупреждению возникновения чрезвычайной ситуации и ликвидации ее последствий наделено полномочиями по принятию дополнительных мер по защите населения и территорий, включающих в себя в том

числе ограничение доступа людей и транспортных средств на территорию, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, а также в зону чрезвычайной ситуации; приостановление деятельности организации, оказавшейся в зоне чрезвычайной ситуации, если существует угроза безопасности жизнедеятельности работников данной организации и иных граждан, находящихся на ее территории; осуществление мер, обусловленных развитием чрезвычайной ситуации, не ограничивающих прав и свобод человека и гражданина и направленных на защиту населения и территорий от чрезвычайной ситуации, создание необходимых условий для предупреждения и ликвидации чрезвычайной ситуации и минимизации ее негативного воздействия.

Дальнейшее развитие соответствующие полномочия органов государственной власти субъектов РФ получили в Указе Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»¹⁵, пункт 2 которого прямо предписывает высшим должностным лицам субъектов РФ обеспечить разработку и реализацию комплекса ограничительных и иных мероприятий, имея в виду в первую очередь: определение территорий, на которых будет осуществляться реализация данных мер, в том числе в условиях введения режимов повышенной готовности, чрезвычайной ситуации; приостановление (ограничение) деятельности находящихся на соответствующей территории отдельных организаций независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, а также индивидуальных предпринимателей; установление особого порядка передвижения на соответствующей территории лиц и транспортных средств, за исключением транспортных средств, осуществляющих межрегиональные перевозки. Указом Президента РФ от 28.04.2020 № 294¹⁶ действие этих мер продлено.

¹⁵ СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2082.

¹⁶ СЗ РФ. 2020. № 18. Ст. 2875.

Таким образом, как указал КС РФ, высшие должностные лица субъектов РФ были вправе в условиях действия режима повышенной готовности применять комплекс ограничительных мер, направленных на недопущение дальнейшего распространения опасной инфекции.

С целью обеспечения реализации положений Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» Правительство РФ утвердило Правила поведения, обязательные для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (постановление от 02.04.2020 № 417¹⁷). Кроме того, Федеральным законом от 01.04.2020 № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»¹⁸ была дополнительно установлена административная ответственность за распространение заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств (ч. 10.1 и 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ) и невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения (ст. 20.6.1 КоАП РФ). Сформировалась практика применения соответствующих норм¹⁹.

Оценивая конституционность самих ограничительных мер с точки зрения их содержания, КС РФ был связан предметом рассмотрения: заявитель обратился именно в связи с применением административной ответственности за нарушение установленных правил передвижения. Тем не менее КС РФ сформулировал по данному вопросу ряд правовых позиций, имеющих общее значение.

Во-первых, Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-I «О праве граждан Российской Федерации на

свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»²⁰ (ст. 8) прямо устанавливает возможность ограничения соответствующего права «на отдельных территориях и в населенных пунктах, где в случае опасности распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний и отравлений людей введены особые условия и режимы проживания населения и хозяйственной деятельности», что согласуется с предписаниями ч. 3 ст. 55 и ч. 3 ст. 56 Конституции РФ. При этом, как указал КС РФ, ограничение свободы передвижения не тождественно ограничению личной свободы.

Во-вторых, следует принимать во внимание экстраординарный характер возникшей ситуации: впервые за много десятилетий Россия столкнулась с необходимостью принятия срочных масштабных мер по преодолению пандемии. Если бы органы государственной власти заняли выжидательную позицию, ссылаясь на неконкретность ряда норм федерального законодательства, определяющих возможность применения ограничительных мер, то это означало бы уклонение этих органов по причинам сугубо формального характера от исполнения своей обязанности по обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, а в конечном итоге привело бы к умалению конституционного права на жизнь, относящегося к высшим ценностям (ст. 2, 20 Конституции РФ), что недопустимо. Цель вводимых правоограничений состоит в обеспечении самоорганизации общества при возникновении общей угрозы.

В-третьих, предусмотренные нормативными правовыми актами субъектов РФ ограничения свободы передвижения являются соразмерными, поскольку: предусматривают ряд разумных исключений из установленных правил, исходя из возможных жизненных ситуаций (необходимость обращения за экстренной медицинской

¹⁷ СЗ РФ. 2020. № 15 (ч. 4). Ст. 2274.

¹⁸ СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2029.

¹⁹ См.: *Каляшин А. В.* Новеллы административной ответственности за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в условиях пандемии коронавируса (COVID-19) // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 63–67.

²⁰ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.

помощью, следования к месту приобретения товаров, выгула домашних животных, выноса отходов и др.); носят сугубо временный характер, периодически пересматриваются в силу сложившейся санитарно-эпидемиологической ситуации; обеспечены комплексом мер компенсационного и гарантийного характера, предусмотренных федеральным законодательством.

В-четвертых, соответствующие меры в режиме «опережающего» регулирования действовали достаточно кратко (до вступления в силу Федерального закона от 01.04.2020 № 98-ФЗ) и в дальнейшем были полностью «легализованы» федеральным законодателем, что также свидетельствует об их конституционной

правомерности и обусловленности возникшей экстраординарной ситуацией.

Правовые позиции КС РФ служат ориентиром для оценки нормативных правовых актов субъектов РФ, касающихся «антиковидных» правоограничений, и судами общей юрисдикции при рассмотрении ими дел об оспаривании этих актов в порядке административного судопроизводства в связи с административными исками граждан и организаций. Кроме того, КС РФ исходил из этих же выводов и при дальнейшем рассмотрении обращений, касающихся отдельных аспектов применения ограничительных мер в период пандемии (например, в определении от 26.02.2021 № 371-О).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Винокуров В. А.* Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и новая коронавирусная инфекция: проблемы правового регулирования // *Медицинское право*. — 2020. — № 4. — С. 9–19.
2. *Калина Е. С.* Административно-правовой режим чрезвычайной ситуации и категория безопасности в административном праве // *Административное право и процесс*. — 2011. — № 12. — С. 31–34.
3. *Калышин А. В.* Новеллы административной ответственности за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в условиях пандемии коронавируса (COVID-19) // *Административное право и процесс*. — 2020. — № 8. — С. 63–67.
4. *Романовский Г. Б.* 2019-nCoV как гибридная угроза системе прав человека // *Конституционное и муниципальное право*. — 2020. — № 7. — С. 34–38.
5. *Сергеев Ю. Д., Калецкий Е. Г., Павлова Ю. В.* Правовые основы реализации дистанционных образовательных технологий в условиях распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации // *Медицинское право*. — 2020. — № 4. — С. 3–8.
6. *Субанова Е. В., Шелковникова Е. Д.* Разрешительная деятельность в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // *Административное право и процесс*. — 2020. — № 8. — С. 56–62.

Материал поступил в редакцию 7 мая 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vinokurov V. A. Sanitarno-epidemiologicheskoe blagopoluchie naseleniya i novaya koronavirusnaya infekciya: problemy pravovogo regulirovaniya // *Medicinskoe pravo*. — 2020. — № 4. — S. 9–19.
2. Kalina E. S. Administrativno-pravovoj rezhim chrezvychajnoj situacii i kategoriya bezopasnosti v administrativnom prave // *Administrativnoe pravo i process*. — 2011. — № 12. — S. 31–34.
3. Kalyashin A. V. Novelly administrativnoj otvetstvennosti za narushenie zakonodatel'stva v oblasti obespecheniya sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v usloviyah pandemii koronavirusa (COVID-19) // *Administrativnoe pravo i process*. — 2020. — № 8. — S. 63–67.
4. Romanovskij G. B. 2019-nCoV kak gibridnaya ugroza sisteme prav cheloveka // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. — 2020. — № 7. — S. 34–38.
5. Sergeev Yu. D., Kaleckij E. G., Pavlova Yu. V. Pravovye osnovy realizacii distancionnyh obrazovatel'nyh tekhnologij v usloviyah rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii na territorii Rossijskoj Federacii // *Medicinskoe pravo*. — 2020. — № 4. — S. 3–8.
6. Subanova E. V., Shelkovnikova E. D. Razreshitel'naya deyatel'nost' v usloviyah pandemii novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19) // *Administrativnoe pravo i process*. — 2020. — № 8. — S. 56–62.